

situation in the Kolyma region of the 1920s. S.I. Kovlekov's book is Kolesov's only biographical work. We would like to continue studying the legacy of Professor Kolesov and the organization of the G.G. Kolesov Foundation in the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: Georgy Kolesov, 2-Myatysky nasleg, Alazeya, Middle Kolyma, scientific biography, economic history of Yakutia.

Л.И. Винокурова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.006

УДК 911.373(571.56-17)"195/199"

Повседневность сельских поселений Северной Якутии в историко-культурном пространстве второй половины XX века

В статье предпринята попытка реконструкции историко-культурного пространства повседневности сельских поселений Якутии во второй половине XX в. Рассмотрены экономические, демографические, социальные истоки изменений в условиях жизнедеятельности сельского населения республики, сопряженные с трансформацией пространственной организации производства и быта в обширном регионе. Освещаются социально-экономические процессы, повлиявшие на культурный ландшафт сельской местности, длительное время оставшейся этнической нишей, средой воспроизводства традиционных культур коренных народов Якутии.

Подчеркивается, что если видимые реалии советской повседневности в республике становились изредка предметом исследования, то частная жизнь обычных людей, с их настроениями, эмоциями, личностным самоощущением, осталась за пределами активного научного интереса. В качестве причины устойчивости такой лакуны указывается специфическая бедность источников, особенно по истории повседневной жизни в арктических селах. Данное обстоятельство должно инспирировать активный поиск новых ресурсов для исследований. В статье на новых материалах из редко используемых источников, вводимых в научный оборот, открываются важные социокультурные аспекты повседневной жизни северян.

Ключевые слова: социальная история, сельская повседневность, коренные народы, Север, Арктика, Якутия.

В гуманитарном исследовательском поле остаётся высоким интерес к северным и арктическим территориям России. Но в существующей историографии ещё недостаточно изучено пространство жизнедеятельности живущих в сельской местности Севера и Арктики людей, занятых в основном в традиционных отраслях хозяйствования. Внимание исследователей больше привлекали крупные, стратегически весомые процессы и явления в истории Якутской Арктики [Боякова, 2005]. Сложилось так, что во второй половине XX столетия в региональном разделении труда сельские поселения выступали «на вторых ролях» в качестве социально-экономического партнера транспортно-промышленных поселений. Северные и арктические

села поставляли вспомогательные рабочие руки, гужевого транспорт, продукцию сельского хозяйства и промыслов.

Население северных сел, пережившее череду административных и хозяйственных преобразований, преимущественно связанных именно с транспортным и добывающим освоением края, было немногочисленным. В национальном составе преобладали коренные народы: якуты и малочисленные народы Севера. До настоящего времени недостаточно изучено советское прошлое сельского населения Севера, слабо исследованы исторические сюжеты повседневной жизни людей на северных и арктических землях. Необходимость заполнения такой лакуны актуализирована сохраняющимся до настоящего

го времени культурным разнообразием Якутского Севера.

В предпринимаемой попытке реконструкции историко-культурного пространства повседневности сельских поселений Якутии мы давно столкнулись с особым вызовом: с крайней скудностью исторических источников, особенно по истории повседневной жизни в арктических селах. В частности, мы писали об отсутствии семейных фото- и эпистолярных архивов [Винокурова, 2016]. Вероятно, это обстоятельство и придает устойчивость данной исследовательской лакуне. Для работы над статьей были востребованы методы ретроспективного анализа и устной истории. Использовался историко-сравнительный метод, позволивший проследить динамику социально-экономических и культурных процессов в сельской Якутии второй половины XX в. Перекрестный сравнительный анализ всех доступных нам источников позволяет достаточно достоверно осветить историю советской повседневности в северных и арктических сельских сообществах Якутии.

Кроме выявленных официальных документов, хранящихся в государственных архивах, нами востребованы материалы региональной и местной прессы, а также авторские полевые материалы. Так, для статьи использованы полевые материалы, собранные автором в Булуновском и Верхоянском улусах Якутии в 2001–2015 гг., также проанализированы глубинные интервью жителей Аллаиховского, Анабарского и Нижнеколымского улусов республики. Из обработанных периодических изданий, выходивших в советское время в северных и арктических районах республики на русском и якутском языках, оказались полезными для статьи издания «Заря Яны», «Дьяаны сарданата» Усть-Янского, «Маяк Арктики», «Арктика маяга» Булуновского районов Якутской АССР.

В сельской местности Якутии проживали и проживают представители различных коренных народов, обладающих собственными этнокультурными особенностями, обусловленными традиционными занятиями, языками и образом жизни. Представители коренных народов Республики Саха (Якутия) – якутов, русских старожилов и малочисленных народов Севера: эвенков, эвенов, юкагиров, долган и чукчей, остаются творцами и носителями своеобразно-

го культурного пространства, сохранность и устойчивость которого является частью региональной социальной стабильности. Текущие социально-экономические процессы в регионе, включая внутреннюю и внешнюю миграцию, бесспорно, ускоряют размывание культурных границ. Данное обстоятельство придает особую социальную значимость проектам по реконструкции недавнего исторического прошлого, свидетели и участники событий и процессов которого ещё доступны для прямого общения и использования в качестве ценнейших информантов.

Историко-культурное пространство Якутии – региона с уникальным набором природно-климатических и территориальных условий для жизнедеятельности, выступает полем наших научных интересов уже давно. Изучение социальных процессов в этом пространстве с акцентировкой внимания на судьбы коренных народов плодотворно не только как узкоспециализированное, но и междисциплинарное научное направление. Результаты гуманитарных исследований преподносят широкую палитру интерпретаций, осмысленный процесс развития коренных народов республики, современной репрезентации и перспектив сохранения их традиционных культур.

Повседневность коренного сельского населения формируется и развивается в пределах определенного исторического времени. Выбранные в статье хронологические рамки второй половины XX столетия были отмечены важными социально-экономическими, социодемографическими изменениями, значительно повлиявшими на пространственную организацию жизнедеятельности сельского населения Якутии. Здесь нами выбран временной промежуток 1950–1980-х гг., не заходящий за рамки 1990-х гг., так как 1990-е – принципиально особый этап в развитии сельской местности Якутии, требующий отдельного исследования.

Именно в период 1950–1980-х гг. произошли масштабные и необратимые изменения в культурном ландшафте сельской Якутии. Мы считаем, что социокультурные процессы, происходившие в сельском пространстве, были и остаются питательной почвой многих современных культурных явлений и фактов. Освещение сельской повседневной жизни на разных этапах развития Северной Якутии позволяет реконструировать процессы формирования региональной

идентичности этнического населения, понять степень и перспективы устойчивого развития культурной среды.

В пространстве основной традиционной жизнедеятельности коренного сельского населения в 1950–1980-е гг. произошли общегосударственные и региональные реформы. Последствия различных административных и хозяйственных преобразований повлияли на весь уклад жизни в сельской местности, остающейся до настоящего времени населенной представителями коренных народов. Ранее мы обращались к теме аграрных реформ и преобразования колхозов в совхозы, где указывали, что в 1950-е гг. меры по укрупнению мелких, маломощных хозяйств были приняты с целью преодоления их экономической слабости. Стремление повысить производственную эффективность колхозов привело к сокращению их общей численности: если в 1950 г. в республике было 747 хозяйств, то к 1959 г. их осталось 169 [Аргунов, 1985, с. 212].

Подобные организационные меры были вызваны не только экономическими соображениями: укрупнение хозяйств было детерминировано демографической необходимостью. В послевоенные 1950-е гг. республика испытывала острый дефицит рабочей силы. В довоенном 1940-м в сельских поселениях Якутии проживало 302,1 тысяч чел., а в 1950 г. – 225,5 тыс. чел. [Демографический ежегодник..., 2001, с. 8]. Якутские колхозы потеряли значительную часть трудоспособных членов по причине военных и тыловых потерь (из-за голода и болезней в годы войны). Было необходимо сосредоточить наличные рабочие руки – часть якутских колхозов практически обезлюдела.

Укрупнение колхозов происходило параллельно с административным форсированием процесса концентрации малых и частных сельских поселений, начатого еще до войны. В Якутии поселкование как сселение жителей в колхозные села началось в период коллективизации 1930-х гг. и возобновилось в начале 1950-х гг. Для исследователя важно, что история поселкования – это не только фиксация административных преобразований, определенных позитивных социальных сдвигов. Это еще и скрытая, малоизученная до сих пор, драматическая история ликвидации традиционной системы расселения коренных народов.

Например, для якутов это было завершением исторической страницы проживания по аласам. Веками они придерживались аласной системы расселения – когда в локальных отдельных местностях, обычно вокруг или вдоль водоемов, располагались компактные сообщества, состоящие из семьи или группы семей, связанных кровно-родственными или давними хозяйственными связями. Окружающая территория с лесными угодьями, с сенокосами и пастбищами формировала пространство повседневной жизни. Эта система расселения была объявлена архаичной, требующей ликвидации. Государственная политика была направлена на концентрацию сельского населения в крупных селах, с целью упрощения и унификации организации производства и трудовой деятельности сельского населения.

Как мы упоминали, в сельской местности одновременно шли укрупнение колхозов и поселкование. Производственная концентрация сопровождалась изменением территориальной организации расселения. До Великой Отечественной войны (по данным на 1939 г.) в Якутии было 10716 сельских поселений, а в 1959 г. Всесоюзная перепись зафиксировала уже меньше – 4423. Данные Переписей советского периода показывают неуклонно убывающую динамику численности сельских поколений: в 1970 г. их стало 1317, в 1979 г. – 726, в 1989 г. – уже 641. При этом людность сельских поселений возросла с 62 чел. в 1959 до 565 чел в 1989 г. [Пономарева, Бубякин, 2013, с. 60]. Соответственно изменились размеры сёл: на смену малым, порой карликовым поселениям с количеством жителей менее 50 человек, пришли крупные колхозные, а затем совхозные сёла. В 1989 г. доля малых сел с численностью населения до 200 чел. составляла 36,5% от всех сельских поселений.

Таким образом, можно говорить о радикальном изменении пространственной организации сельской жизни. На смену традиционным малым поселениям с компактным населением, практически автономным локальным сообществам пришли большие поселения, нередко крупные центры хозяйств. Как результат, были перекроены производственные и коммуникационные схемы, изменились границы труда и быта, для сельских жителей появились принципиально новые социальные объекты и социаль-

ные связи. В новые посёлки были переселены сотни и тысячи семей.

Отметим, что постепенно сельский культурный ландшафт приобретал общие для советских сел черты. Так, центральные усадьбы хозяйств, несмотря на отсутствие общей архитектурной концепции и генерального плана застройки, были похожи друг на друга. В период 1960-х, когда первыми были созданы совхозы в северных и арктических районах, именно центральная усадьба становилась своеобразным центром повседневной жизни. Здесь располагалась контора, где ежедневно шла активная социальная коммуникация, трудился управленческий аппарат, где в разное время пересекался весь производственный коллектив.

В таких селах обязательно функционировал клуб, чья деятельность особенно активизировалась в зимнее время, когда в село после летне-осенних работ возвращались все рабочие. Несмотря на непрерывный производственный цикл работ в оленеводстве, животноводстве и промыслах, зимой и в межсезонье в клубе проводились массовые мероприятия с охватом значительного числа населения. Другой вопрос, в каких условиях, с каким качеством жизни приходилось сталкиваться в обыденной реальности.

Здесь следует упомянуть, что в советской прессе арктических районов, имевших собственные газеты, было мало информации о повседневной жизни простых людей. Опубликованные в те годы сведения стандартны по своему содержанию, отвечающему идеологическим требованиям. Например, зарисовки о повседневной жизни простых оленеводов и охотников выглядят исполненными по шаблону: «советский труженик Севера, активист, общественник, довольный своей жизнью». Но даже в такой массе информации можно обнаружить ценные материалы. Обычно это критические заметки общественных корреспондентов об условиях труда и быта северян. Приводимые ими факты повседневных трудностей подтверждаются собранными нами устными историями старожил Севера. Например, письма общественникам о низком уровне комфорта и бедности учреждений соцкультбыта дополняются нередким в устных историях сюжетом о том, как в 1970-е в небольших арктических сёлах в кино ходили с собственным деревянным поленом, чтобы ота-

пливать помещение клуба с киноустановкой [ПМА, Аллаиховский улус РС (Я), 2006].

Уникальным не только образовательным, но и культурным очагом в селах Якутии была и остаётся школа. Данный социальный объект со своим коллективом работников до наших дней остаётся значимым фактором самого существования сельского поселения. Отдельным объектом изучения является фигура сельского учителя в республике, игравшая значительную роль в деревенских социумах, в формировании всей социальной атмосферы сел. «Школу держал бывший директор. Он выбивал фонды строительных материалов для неё, родители много участвовали в субботниках по ремонту школы и благоустройству её территории. Директор привозил новых учителей, дети учили все предметы. Благодаря ему у нас кипела жизнь...», – вспоминал старожил арктического села [ПМА, Булунский улус РС (Я), 2008]. Замечание о наличии учителей-«предметников» очень важно: до настоящего времени болезненным вызовом для сельских школ, особенно отдаленных и малых, является отсутствие преподавателей по отдельным предметам, что резко снижает качество образования и конкурентоспособность выпускников-северян.

Бесспорно, что культурная среда является питательной почвой для человеческой оседлости и привязанности к родным местам, фактором развития духовной жизни человека. Само представление человека о себе формируется под воздействием той культурной среды, в которой он родился и вырос. Следовательно, изучение окружающей среды в социокультурных аспектах, наблюдение исторических изменений в пространстве повседневной жизни позволяют понимать истоки многих существующих процессов и явлений.

Следует признать, что отдельные реалии советской повседневности в республике становились, пусть фрагментарно, предметом изучения, но частная жизнь обычных людей, с их настроениями, эмоциями, личностным самоощущением, до настоящего времени остаётся малоисследованной областью. В этом свете новым и ценным для региональной науки представляются любые попытки фиксации и анализа материалов, проливающих свет на личное переживание значимых событий. В частности, в нашем случае – это от-

ражение изменений пространства сельской повседневной жизни на личностном уровне, их восприятие и даже эмоциональная оценка.

В собранных нами материалах устной истории северных и арктических улусов (районов) республики были выявлены особенности восприятия и переживания сельскими жителями изменений в повседневном пространстве. Анализ собранных сельских текстов обнаруживает много интересных сведений по культурной истории сельского населения: истории жизни уроженцев арктических сёл – представителей малочисленных народов Севера и якутов, очень насыщены событиями и фактами. Информанты вспоминают о военном и послевоенном детстве, о годах работы в колхозах и совхозах, делятся размышлениями о недавних и даже текущих событиях в республике и стране. Во многом эти истории сравнимы с теми, которые мы собирали в сёлах Центральной и Южной Якутии. Но очевидно и воздействие на повседневность особенностей расселения и хозяйственных занятий жителей арктических сёл.

Сама система жизнеобеспечения, поддержки жизнедеятельности имела свою арктическую специфику, прежде всего, это особая дороговизна и сложность функционирования социальной инфраструктуры. Мы уже отмечали, что в арктических сёлах Якутии жители были лишены многих достижений цивилизации, обычных даже для центральных и южных районов республики, не говоря о центре страны. Например, только в 1980 г. телевидение стало доступным для многих сёл, расположенных вдоль р. Яна [Заря Яны, 1980, 1 янв.]. В ряде сельских поселений даже в последнее десятилетие существования социализма – в 1980-е – обеспечение товарами массового спроса оставалось неудовлетворительным.

Нельзя не упомянуть о характерных чертах конструирования личного прошлого нашими информантами, трудовой пик биографии которых пришёлся на период социализма. Среди повторяющихся паттернов в озвучивании истории жизни отметим, что информанты обязательно приводили сравнительные оценки своего финансового и материального положения на разных этапах советского периода [ПМА, Булунский, Анабарский, Нижнеколымский улусы РС(Я), 2008; 2012; 2015]. Так, они отмечали,

что организация совхозов существенно повысила их финансовое состояние: теперь государство выплачивало им гарантированную заработную плату. А в колхозах размер заработка зависел от количества отработанных дней и общего дохода колхоза. Независимо от оценки собственного материального благополучия в годы социализма, информанты постоянно и многократно подчеркивают в своих историях идею, что их труд был занятием уважаемым, престижным. В частности, с большим пиететом и в деталях ретранслируются не только персональные успехи, но и достижения других людей – оленеводов, охотников и рыболовов.

Удивительно, что информанты неохотно говорили о пережитых в те годы трудностях. «Когда кочевали со стадом зимой, месяцами спали в палатках с железной печкой, не видели родных и близких. Порою не хватало нужных продуктов, инвентаря и техники. Но мы работали, как тогда работали все», – вот типичный фрагмент из записи истории жизни оленевода из Верхоянского улуса [ПМА, Верхоянский улус РС (Я)]. Возможно, в стремлении вспоминать только позитивное, умалчивая или опуская негативы, есть, прежде всего, фактор возрастной ностальгии. Ведь информанты вспоминают время своей молодости, лучших лет физического состояния. С другой стороны, именно у возрастных информантов присутствуют чётко выраженная позиция и возможность сравнивать длительные этапы истории.

В своих откровениях, объёмных по содержанию и времени изложения, наши информанты стремились объективно «взвесить» прошлое. И при сравнении с настоящим временем они высоко оценивают социальные привилегии и социальную защиту при социализме, пренебрегая критикой существовавших негативов прошлого. Поэтому записанные нами истории насыщены репликами: «медицина и образование были бесплатными», «мы могли спокойно копить деньги, инфляции почти не было», «была уверенность в своем будущем и будущем детей». Удивительна такая коммеморация советского периода на личном уровне у информантов старших возрастов, которая существует при официальном идеологическом демонтаже и «развенчании» социализма.

Одним из важных и болезненных моментов в череде пережитого выступает сюжет перехода

вчераших кочевников на стационарное проживание в посёлках. Мы обратили внимание, что тема практически насильственного характера перевода на оседлость до сих пор остаётся мало артикулированной. В антропологии известна практика «умалчивания» болезненных вопросов, вероятно, этим объясняется частое избегание темы седентеризации в общении исследователя и информантов. В связи с тем, что тема перевода на оседлость углубленно освещается специалистами, здесь остановимся лишь на некоторых моментах повседневной жизни в посёлках. «Нам было сказано, что жить в тордохгах (традиционная кочевая палатка, покрытая шкурами оленей. – *Л.В.*) больше нельзя, надо жить в современном доме, как живут другие люди... Было непривычно, неудобно, старики жаловались, что задыхаются в этих “замурованных со всех сторон” домах, особенно с постоянным отоплением...», – вспоминал наш информант [ПМА, Булунский улус, 2008].

При длительном и углублённом общении со старожилами арктических сёл вскрываются пласты воспоминаний о повседневных деталях жизни. В историях жизни часто упоминается, что при первой же возможности они старались уехать из посёлка на летние стойбища. Охотники и рыбаки также месяцами жили вне посёлков, даже если у них были квартиры. О недостатках при планировании и выборе места для посёлков есть публикации исследователей [Филиппова, 2017], также мы писали об отсутствии социального опыта и культуры проживания в новом формате. Учитывая, что процесс перевода на жизнь в посёлках продлился до конца эпохи социализма, следует признать данную тему большим, практически неисследованным трендом научного интереса.

В целом можно заключить, что в рассматриваемый период пространство сельской повседневной жизни в Якутии изменилось кардинально. Унифицированная организация производства, единые трудовые нормы, даже сходство социальных проблем – в сфере сельского жилищного строительства и благоустройства, снабжения отдалённых сельских поселений и т.п., размывали локальные и региональные отличия сельской повседневной жизни. Масштабные изменения формировали новую социальную идентичность сельских жителей. Хорошо

поставленная государственная пропаганда поддерживала в жителях посёлков чувство не только региональной, но и общенациональной трудовой и культурной общности, ощущение причастности к развитию единого советского общества. На этом фоне нельзя не отметить, насколько осталась сильной тяга в коренных народах республики, живущих в сельской местности, к традиционному пространству жизнедеятельности, что показал последовавший за крахом социализма этап развития. Возрождение кочевых родовых общин у коренных малочисленных народов Севера, возвращение к родовым традиционным усадьбам, к сайылыкам-летникам у якутов можно оценивать и как попытки определённых категорий населения восстановить для себя традиционное пространство жизни.

Источники и литература

Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа (историко-социологическое исследование образа жизни). – Новосибирск: Наука, 1985. – 320 с.

Боякова С.И. Северный морской путь: исторический опыт, современное состояние и проблемы // Современная Арктика: опыт изучения и проблемы: сб. науч. ст. – Якутск, 2005. – С. 34–53.

Винокурова Л.И. Повседневность арктических сел в локальных источниках: 1960–1970-е годы // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 11 (53). – Ч. 1. – С. 92–94.

Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сб. / Госкомстат РС (Я). – Якутск, 2001. – 80 с.

Заря Яны. – 1980 – 1 янв.

Полевой материал автора. Аллаиховский улус Республики Саха (Якутия), запись интервью с информантом, 2006 г.; Анабарский улус РС (Я), запись интервью с информантом, 2012 г.; Булунский улус РС (Я), запись интервью с информантом, 2008 г.; Верхоянский улус Республики Саха (Якутия), запись интервью с информантом, 2013 г.; Нижнеколымский улус Республики Саха (Якутия), запись интервью с информантом, 2015 г.

Пономарева Г.А., Бубякин В.И. Типология сельских поселений Республики Саха (Якутия) по величине числа жителей (людности) // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 31 (334). – С. 56–62.

Филиппова В.В. Эвены Березовки в условиях навондлений: из опыта седентеризации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 84–88.

L.I. Vinokurova

Daily Life of Rural Settlements in Yakutia in the Historical and Cultural Space of the Second Half of the XXth century

The article devoted to reconstruction of the historical and cultural space of everyday life of rural settlements of Yakutia during the second half of the 20th century. Economic, demographic, and social roots of changes in the conditions of vital activity of the rural population of the republic are considered, which were associated with the transformation of the spatial organization of production and everyday life in a vast region. The socio-economic processes affecting the cultural landscape of the countryside, which for a long time remained an ethnic niche, the environment for the reproduction of traditional cultures of the indigenous peoples of Yakutia, are covered.

It is emphasized that if the visible realities of Soviet everyday life in the republic became occasionally the subject of research, then the private life of ordinary people, with their moods, emotions, personal self-perception remained outside the active scientific interest. As a reason for the stability of this lacuna, the specific poverty of the sources is indicated, especially in the history of everyday life in the arctic villages. This circumstance should inspire an active search for new resources for research. In this article, new materials from rarely used sources introduced into scientific circulation reveals important socio-cultural aspects of the daily life of northerners.

Keywords: social history, rural everyday life, indigenous peoples, the North, the Arctic, Yakutia.

В.В. Филиппова

DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.03.24.007

УДК 91(=93/94.930.2)

Территориальные особенности расселения коренных малочисленных народов Севера Якутии в 1980–2010-е годы

В статье проанализированы территориальные особенности расселения коренных малочисленных народов, проживающих в Республике Саха (Якутия). Рассмотрено изменение географии районов их проживания на территории Якутии в 1980–2010-е гг. на основе постановлений, определивших ареалы жизнедеятельности малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Сопоставление ареалов мест традиционной хозяйственной деятельности, территорий традиционного природопользования и текущих и перспективных геологических работ с использованием ГИС-технологий позволило сгруппировать районы проживания малочисленных народов Севера Якутии по степени потенциальных конфликтов между интересами коренных малочисленных народов Севера и промышленных компаний. Проведенное автором изучение территориальных особенностей расселения малочисленных народов Севера и их группировки может быть применено для оценки потенциала устойчивого развития ареалов проживания коренных малочисленных народов Севера, а также при проведении этнологических экспертиз в Республике Саха (Якутия).

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, расселение, промышленное освоение, традиционное природопользование, Якутия.

В настоящее время северные территории Российской Федерации, на большей части которых проживают коренные малочисленные народы (далее – КМНС), получают новый импульс индустриального освоения, основы которых были заложены еще в 1970–1980-е гг. В резуль-

© В.В. Филиппова, 2018